

Герои
Великой Отечественной

Фронтовые мемуары
Победителей

Александр Дронов

Валерий Дронов

КАЗАК НА САМОХОДКЕ

«Заживо не сгорели»

МОСКВА

«ЯУЗА»

«ЭКМО»

2015

УДК 355/359
ББК 68
Д 75

Оформление серии *Юрия Щербакова*

Дронов, Александр Тихонович.

Д 75 Казак на самоходке. «Заживо не сгорели» / Александр Дронов, Валерий Дронов. — Москва : Яуза : Эксмо, 2015. — 224 с. — (Герои Великой Отечественной. Фронтовые мемуары Победителей).

ISBN 978-5-699-80801-4

Автор этой книги — один из тех трех процентов фронтовиков, кто, приняв боевое крещение летом 1941 года, дождался до Победы. Прорывался из «котлов», защищал Лужский рубеж и Дорогу Жизни, участвовал в кровавых штурмах Сивинских высот (где от всей его батареи осталось только пять бойцов), с боями прошел от Тамани до Праги. Воевал и в саперах, и в пехоте, и наводчиком в артиллерии, и командиром самоходки Су-76 в единственной на всю Красную Армию казачьей пластунской дивизии.

«Да, были у наших самоходок слабые стороны. Это не такое мощное, как хотелось бы, противотульное бронирование, пожароопасность бензинового двигателя и открытая боевая рубка. Она не защищала от стрелкового огня сверху, от закидывания гранат. Всё это приходилось учитывать в бою. Из-за брезентовой крыши словоохоты присваивали нашим Су-76 грубоватые прозвища: “голозадый Фердинанд” или “сучка”. Хотя с другой стороны, та же открытая рубка была удобна в работе, снимала проблему загазованности боевого отделения при стрельбе, можно было легко покинуть подбитую установку. Поэтому многие самоходчики были влюблены в СУ-76, мы её ласково называли “сухариком”».

Эта книга — настоящая «окопная правда» фронтовика, имевшего всего три шанса из ста остаться в живых, но выигравшего в «русскую рулетку» у смерти, израненного в боях, но не сгоревшего заживо.

УДК 355/359
ББК 68

© Дронов В.А., 2015
© ООО «Издательство «Яуза», 2015
© ООО «Издательство «Эксмо»,
2015

ISBN 978-5-699-80801-4

В 1979 году мой отец, Дронов Александр Тихонович, понял, что жить осталось совсем недолго. Он решил сохранить память о фронтовых годах.

Своим детям Владимиру, Вере, Валерию он оставил по десятку обыкновенных школьных тетрадей, исписанных на каждой строчке мелким каллиграфическим почерком.

Это были записки о войне.

В.А. Дронов

Вступление

Первый год войны оставил в моей памяти самые глубокие следы, самые тугие узелки, на сердце — самые чувствительные рубцы. Почему так? Да потому, что у меня, как и у каждого, произошла величайшая ломка всей жизни, именно эти годы, как бритва на оселке, испытывали каждого человека. Многие ветераны войны, когда заведешь с ними разговор о «самом, самом», чаще всего обращаются к первому периоду войны, к 1941–1942 годам.

Тяжелейшие испытания выдержали не все, многие свихнулись, иные даже переметнулись к противнику. Все это происходило на моих глазах, не оставляя безучастным, так или иначе формировало солдата, сказывалось в поступках, в боевых делах. Одно было неизменным — убеждение в непобедимости народа, вера в правоту дела. Сразу решил, что мое место в строю, надо воевать, а не рассуждать, у войны свои мерки, было не время для самооценки, а пора самовыражения.

Александр Дронов, Валерий Дронов

Не хочу скрывать свою надежду на то, что кто-то из вас, молодых, пройдет, на худой конец, мысленно пролетит по тернистым дорогам войны, по тем местам, где в перекрестке панорамы орудий врага билась наша жизнь, наша молодость, поклонится праху героев, их мужеству и отваге.

ЧАСТЬ I

Лужский рубеж

*Нас все меньше и меньше,
мы уходим далече.
Это мы погасили Бухенвальдские печи...*

К фронту

590-й отдельный строительный батальон инженерных войск 22 июня 1941 года занимался сооружением военного объекта вдали от кровавых событий. Мы находились среди лесов и озер севера Вологодской области. Услышав о войне, я был охвачен странным чувством давно ожидаемой, но неожиданно нагрянувшей беды, и раньше был уверен в том, что Германия на нас нападет, к этому вела агрессивная, грабительская политика Гитлера.

Однако наши руководители, которым по долгу службы сия истина должна быть ясной, говорили, что если будет нападение, то не скоро. Помню, как однажды командир роты набросился на группу красноармейцев за «разговорчики» о неминуемой войне с Германией. В газетах мая—июня 1941 года громили тех, кто сомневался в нерушимости пакта о ненападении. В народе росло чувство опасности войны не сегодня, так завтра, а среди командиров царила беспечность. Все были буквально в плену слухов о скорой войне, но нас убеждали не верить, не поддаваться провокациям.

Удивительная тогда складывалась ситуация. Маршал А.И. Еременко высказывался в своей книге: «Я понял, что начавшаяся война будет для нас невероятно тяжелой, особенно в начальный период. Действительно, ведь если и мне, в то время генерал-лейтенанту, командарму, почти ничего не было известно о приближении войны, то какой внезапной она должна была показаться для солдат, для младшего и среднего комсостава, для всего советского народа». Вот так мы встречали войну.

Плыли баржами и пароходами по Онеге, Свири, Ладоге, ехали в поездах, но больше пешком в походных колоннах. Многокилометровый марш к фронту по проселочным дорогам, лесам, болотам для меня, и не только для меня, был тяжким физическим испытанием. Нужно много сотен верст, ежедневно по 25–30 километров, прошагать с полной выкладкой. Закалки не было, перед войной в село пришли машины. Я был зоотехником совхоза, а специалисты по фермам ездили на автомобилях да на жеребцах, теперь шагаем на своих двоих.

Сперва думали не иначе как: «Вот мы ему дадим по мусалам! Чтобы неповадно было свое свиное рыло совать в наш советский огород». Были твердо уверены, что своей земли не уступим никому ни единого вершка, воевать будем на чужой территории. Самито, боже мой! «Годные необученные», пушек, пулеметов в глаза не видели, не говоря о танках, автоматическом оружии. На вооружении винтовка-трехлинейка, гранаты, бутылки с горючей жидкостью, бессменный «шлеп-шлеп по боку» противогаз. И при том были убеждены в победе, верили, что будет, как в пословице: «В Россию — с клинком, из России — пинком».

Переходы изнурительны, дороги разбиты, запружены войсками, движущимися на запад, встречным потоком беженцев с запада на восток. Сотни машин вязли в грязи, тонули в ухабах, выбоинах, в воронках от бомб. Над этим скопищем носились вражеские бомбардировщики, истребители. Крестonosные стервятники несли смерть и муку. Им, господствовавшим в небе, мы не могли противопоставить какую-либо силу. Тихоходных тупорылых И-16, И-153 немецкие Ме-109 сбивали легко. А уж наши бомбардировщики СБ и ДБ-3, те были и вовсе легкой добычей. Гансы так обнаглели, что, бывало, увяжутся за какой-либо приглянувшейся им целью — колонной машин, стадом коров, группой доярок, выются, куражатся, бьют, строчат из пулеметов до тех пор, пока не кончатся горючее и боеприпасы. Нечем было их отогнать!

Находясь далеко от фронта, мы шагали по войне. Пепелища сожженных бомбами построек, кровь, трупы наших людей, стоны, слезы — это надламывало слабых, вносило растерянность, порождало трусов и паникеров. Их в нашей роте было предостаточно, до сих пор помню осунувшиеся лица, бегающий взор, выражение страха и неуверенности. Находились такие, которым было не только безразлично, но в свинцовом взгляде поблескивали искорки удовлетворения происходящей трагедией, даже радость возмездия.

Эти глаза помнятся до сих пор, заячья душа, затаившая вражду, жаждала отмщения фашистским оружием, окажись по ту сторону фронта, преобразятся в волка. Виделось, чувствовалось, но пока было недоказуемо.

Идем, идем, нас торопят, в последнее время пришлось шагать только ночью, при свете дня слишком одолевали самолеты. Летали так низко, что вот-вот

отклонятся в сторону от дороги, не успев поднять крыло, врежутся в зеленую стену придорожного леса. Нет, не падают, строчат да строчат, бомбят да бомбят.

Какими глупенькими были в начале войны! Ганс поливает свинцом с высоты дерева, мы, как страусы, схоронив голову, лежим, не обороняемся. Более того, запрещалось стрелять из винтовок, отвечать огнем нельзя — демаскируешься. Но это тысячи пуль, явная смерть стервятнику. Не догадывались, что при столь низком полете самолет легко поражался даже из винтовки, что в последующие годы было проверено опытом боевых действий. Ох уж этот 41-й, ох и мы в 41-м! Горе, да и только.

Письмо брата

Привал. Красноармеец Иван Сидоркин телепа-телепа в делах военных, но честности отменной, появился в роте с пачкой писем от родных и знакомых, ребята взяли его в круг.

— Рахимгулов, — письмо от черноглазой, пляши!

— Осадчий, письмо от жены, пляши!

Издали увидел в его руках письмо со знакомым с детства почерком, округлыми, твердой рукой написанными крупными буквами, сразу не сообразил, от кого, лишь почувствовал что-то нашенское, родное. Да это от Ефима!

— Дронов, пляши.

Что поделаешь, сигали, выкаблучивались, лишь потом, когда стали приходиться такие письма, получив которые не возрадуешься, этот ритуал сам собой отпал.

У меня в руках дорогая весточка от брата Ефима Тихоновича, пишет из Ленинграда, где находился

с экскурсией группы учителей Ростовской области. В то время он работал директором Белокалитвенской средней школы, что на Северском Донце. Ефим не чета мне и хуторским ребятам, способнейший человек, башковитый, среди всех Дроновых лопатинских отличался особым складом ума, добропорядочностью и серьезностью. Даром что воспитывался с нами на одной печке, в старом дроновском доме она умещала всех шестерых ребят, да еще и девчонка какая-нибудь затешется среди нас — двоюродные сестры Татьяна, Ольга.

Е. Дронов, не в пример другим, не мыслил себя вне школы, вне учебы, в числе немногих из нашего района окончил заочно Таганрогский педагогический техникум, затем Ставропольский пединститут. Братушка пишет на фронт, а я еще до войны не добрался, иду, иду. После коротких, но теплых родственных приветствий перешел к тому, чем жил, восхищался Ленинградом и ленинградцами первого дня войны, писал о стремлении как можно скорее попасть в действующую армию, сразиться с обнаглевшим врагом, проучить и изгнать.

«Ленинградцы, — писал он, — осаждают комиссарыаты города с просьбой направить на фронт. Пробился в РВК и я с заявлением о зачислении в команду добровольцев, не приняли, посоветовали подать рапорт в свой военкомат».

От меня, младшего брата, требовал:

«Будь смелым в бою, переноси невзгоды и неурядицы. Береги себя, не лезь на рожон там, где не надо, но еще большие береги честь семьи, Родины. Русский народ всегда отличался преданностью стране.»

Киевский князь Святослав (X век) призывал своих воинов: «Или жить победителями, или умереть со славою». Не ищи спасения в плену, немецкое иго хуже смерти. Ты, наверное, помнишь Капитона Еремина из Средней Лопатины, он в Первую Германскую был в плену, часто рассказывал станичникам про плен у немцев. Говорил: «Немец — хуже турок. Турок зол, но имеет душу. Немец и зол, и без души, для него русский пленный не человек, а животное, они и содержали, и кормили, и заставляли работать пленных, как скотину»».

В конце Ефим сделал экскурс в историю борьбы славян с немецкими захватчиками:

«Ты знай, что русский всегда побеждал немца, и теперь побьем. Войну против русского народа, против славян вообще немцы ведут не только эти пять дней, а тысячу лет. Начали свои кровавые походы еще в VII веке, при Карле Великом, затем возобновляли их несчетное количество раз. Все последующие 400 лет они рвали кусок за куском земли славян. Помнишь битву Александра Невского в 1242 году на Чудском озере, затем в 1410 году — под Грюнвальдом. Колотили их, сволочей, и в 1558, и в 1759 годах.

Да как лупили, что в Берлин заходили! Фридрих II на горьком опыте учил преемников не враждовать с русскими. Знаменитый Бисмарк помнил это, а Вильгельм II забыл уроки и вновь в 1914 году двинул войска. Чем закончилось, ты знаешь, громили немцев и сыны Дона, я слышал многие рассказы казаков-фронтовиков, как они гонялись на лихих дончаках за немцами-псами. Об этом рассказывали дядя Лев Константи-

нович и дядя Иван Константинович. Немец сеет ветер — пожнет бурю. Крепко обнимаю тебя, мой родной братик. Желая всего тебе всего самого доброго и, прежде всего, жизни и чести».

Е. Дронов

Читал письмо и думал: «Братушка мой родной, чувствую, чем озабочен, ты не уверен во мне, более того, боишься, стараешься внушить чувство ответственности, собственного достоинства, бесстрашия в бою, веру в победу. Выстою ли я? Этого сам не знаю, хочу справиться, но моего желания, чувствую, недостаточно. Страшна ли смерть? Не боюсь. Страшен ли немец? Нет, сдюжим. Страшен мне мой страх! Не мною выдуман, не впервой вступаю с ним в единоборство, еще древние полагали, что сатане дает жизнь страх».

Письмо часто читал и перечитывал, дружки-товарищи начали надоедать с просьбами и им дать. Долго отнекивался, потом доверил близкому другу Петру Осадчему, через некоторое время ко мне пристал да пристал Алексей Дурасов. И пошло-поехало, многие читали с интересом, другие с ухмылкой: «Подумаешь, умереть за социалистическое отечество».

Дошло до комиссара Нагимулина, однажды подходит ко мне, спрашивает, может ли он ознакомиться с письмом. Вот те на! Усмотрит какую-нибудь контру о казаках. Отнекивался, дескать, брат думает, что воюю с пашкой наголо, с пулеметом на тачанке, а я, как видите, с лопатой, винтовка, и та лишь спину трет.

— Вот ты о чем, — с новым, серьезным выражением в лице, сказал он, — будь уверен, обещаю, найдешь возможность повоевать, показать себя. Смущает, что в строительном полку? Напрасно, в этой войне инженерные войска — сила, без них ни туда ни сюда. При

наступлении мы впереди, кто мины снимет, кто заграждения ликвидирует, кто дорогу проложит, кто укрепит нашу оборону? То-то. При отступлении кто заминирует дороги врагу, кто мост взорвет? А ты...

Почему-то надолго запомнился его проницательный, прощупывающий взгляд. Письмо брата так-таки у меня взял, зачитал красноармейцам во время очередного привала. Использовал его мастерски, многое добавил, кое-что оттенил, хорошая беседа получилась. Я, конечно, ходил козырем, гордился братом и... собой.

Сила слова и слабость духа

Очередной отдых. Перед строем батальона зачитано выступление И.В. Сталина по радио от 3 июля 1941 года. Яркий образец, как человек может не только подчинить, но и направить других туда, куда считает нужным. Свое выступление начал непривычно:

— Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!

Ясно, четко изложено все, как есть, рассказано, что требуется от каждого гражданина страны.

— Все силы на разгром врага! Вперед, за нашу победу!

Стояли в строю, слушали, боясь пропустить хотя бы одно слово. Я уже был готов идти, куда он звал — в бой, с удовлетворением думал:

— С таким вождем мы не можем не победить.

Запомнилось тогдашнее состояние, весь напрягся, тянусь вверх, казалось, поднимаюсь над землей. В глотке сухо, спазмы, правая рука сжимает винтовку, пальцы впились в надствольную рамку, под ногтями образовались красные прожилки, полусогнутые пальцы

левой руки впилась в ладонь, шея напряжена, какие-то тиски сжимают грудь. Вот такая сила была в словах И. В. Сталина.

Как только улеглось первое впечатление от речи, задумался, почему он именно так начал. Речь казалась притертой, заискивающей, не сталинской. Он в последние годы вовсе не разговаривал с народом, тут на тебе, вождь и такая нежность, и обращение по церковному канону: «Братья и сестры... друзья мои». Не мог разобраться, одно знал, раз уж Сталин так заговорил, значит, обстановка не из легких, дело требует такого обращения, надо народ подымать. Главное — после выступления все стало на место. Не было болтовни о преднамеренном отступлении Красной Армии, разглагольствования о желании заманить врага в глубь территории, что вроде повторяется 1812 год. Прекратились пересуды, руководство потребовало бороться с врагом на тех рубежах, защиту которых доверила страна.

Многие дни и ночи, десятки километров пути к фронту я был свидетелем солдатских разговоров о выступлении И. В. Сталина. Однажды услышал:

— Кто бы мог подумать, что с Красной Армией случится такое. Глянь, сколько отдали немцу, — с недоумением и кручиной говорил, как бы сам с собой, Осадчий.

— Иначе и быть не могло, — резко, со злобой, встрял в разговор красноармеец Голован, — лучших людей сослали в Сибирь, в лагеря, в тюрьмы. Армия обезглавлена. К войне не подготовились, игрались в бумажки, пакты да договоры.

— Ты что мелешь, — возмущился Осадчий, — что, не доверяешь товарищу Сталину?

Тот дальше льет кошкины слезы:

— Немцы мелют. Рушат в муку нас и страну.